

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

УДК 811.16

DOI: 10.17223/22274200/15/11

А.Т. Хроленко

«ХОРОШО БЫ СОСТАВИТЬ СЛОВАРЬ БЫЛИН...» (И.А. ОССОВЕЦКИЙ О ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ)

Впервые публикуются письма известного диалектолога И.А. Оссовецкого (1908–1995 гг.), адресованные курским филологам, разработывавшим основы фольклорной лексикографии. Показана роль ученого в формулировке идей словарного описания народно-поэтического языка. Поддержанные советами своего наставника, куряне разработали оригинальную концепцию лексикографического представления лексики фольклора, положив в основу принцип концептографии.

Ключевые слова: словарь, фольклорная лексикография, лингвофольклористика, И.А. Оссовецкий, концептография.

Недавно в свет вышла книга «История курской школы лингвофольклористики в письмах и документах» [1], сложившаяся на материале личного архива автора данной статьи. В эпистолярной возрастом в пятьдесят лет сохранились письма известных советских филологов, так или иначе способствовавших становлению того научного сообщества, которое позже назовут курской школой лингвофольклористики, занявшей свое место в ряду других – воронежской и петрозаводской – школ.

Авторами писем в Курск были основоположники новой научной дисциплины – лингвофольклористики – А.П. Евгеньева, И.А. Оссовецкий, Е.Б. Артёменко, С.Е. Никитина, З.К. Гарланов, основатели отечественной этнолингвистики Н.И. и С.М. Толстые, известные фольклористы Б.Н. Путилов, К.В. Чистов, А.А. Горелов, В.М. Гацак, авторитетные представители русистики В.П. Григорьев, Н.Ю. Шведо-

ва, Н.А. Кондрашов, зарубежные филологи Е. Фарино, Е. Бартминский и др.

Среди проблем, которые интересовали молодых курских исследователей, особое место заняли вопросы лексикографии. Это было связано с размышлениями о методологической оснащенности формирующейся научной дисциплины. Если вначале филологов, обратившихся к устнопоэтической речи, интересовали отдельные яркие приметы фольклорного текста, что не требовало особых размышлений методологического характера, то когда настала очередь исследования глубинных, внешне не очень выразительных элементов фольклорно-языковой структуры, отношение к инструментарию изменилось. Разработка методологии лингвофольклористики стала весьма актуальной. Корпусность исследуемого речевого материала предопределила повышенный интерес к лексикографическим формам упорядочения материала. Внимание молодых исследователей к словарю как исследовательскому инструменту познания совпало с общемировым интересом к практике словарного дела.

Обнаружилось, что феномен лексикографизации шире интересов лингвистики. Словарная форма осваивает поле всей словесности. Опора на большие массивы текстов неизбежно ставит вопрос об упорядоченном представлении эмпирического материала, идеальной формой которого считается словарь. Словари, бесспорно, занимают первое место среди других форм, представляющих данные в сжатом виде. Не случайно итоги лингвистических работ нередко оформляются в виде словарей, имеющих четкую и обозримую общую структуру, строгость подачи разных признаков и аспектов описания, возможность избирательного обращения к отдельным параметрам без детального вхождения во весь текст словаря, лаконизм метаязыка, системность и т.д. [2; 3. С. 5]. Этим объясняется лексикографизация методов лингвистики, столь активная к концу XX столетия.

Примером того, как словарная форма нарратива актуализировалась в гуманитарной науке XX в., может служить опыт французского лингвиста Э. Бенвениста. Одна из глав его книги «Общая лингвистика» представляет собой «Словарь индоевропейских социальных терминов», а последняя посвящена термину *цивилизация*, истории слова в английском и французском языках. «Мы только начинаем понимать, какой интерес представляло бы точное описание истоков <...> словаря современной культуры» [4. С. 386]. Сюда же можно отнести и

опыт Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [5]. Более того, нарратив в лексикографической форме возможен и в художественной литературе. Яркий пример тому – «роман-лексикон в 100 000 слов» сербского писателя – крупнейшего прозаика XX в. – Милорада Павича «Хазарский словарь» (1983). Эта книга преодолевает традицию линейного повествования и по сути приближается к электронному гипертексту. Показателен опыт Н.И. и С.М. Толстых, которые колоссальный объем этнолингвистической информации представили в форме словаря-указателя с элементами толково-функционального словаря [6]. Выбор для «Славянских древностей» жанра словаря обусловлен алфавитным расположением статей, что экономно и удобно, когда необходимо упорядочить и систематизировать большой и разнородный материал. Словарная статья, заметила как-то Н.Ю. Шведова, – это «маленькое законченное лингвистическое исследование» [7. С. 167]. В словарной форме научное исследование идет от «формы» к смыслу и функции.

Курские исследователи в свое время интуитивно почувствовали, что решение теоретически сложных вопросов складывающейся филологической дисциплины потребует фундаментальной базы эмпирического материала, которой могут быть исключительно словари языка фольклора.

Не случайно то, что особое место в эпистолярном архиве автора занимают письма Иосифа Антоновича Оссовецкого, одного из основоположников науки о языке русского фольклора, работы которого «Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне» [8], «О языке русского традиционного фольклора» [9], «Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора» [10] стали теоретической основой подготовки молодых лингвофольклористов. И.А. Оссовецкий – известный диалектолог, автор монографии «Лексика современных русских народных говоров» [11]. Никто кроме него не представлял себе характер взаимосвязи и взаимоотношений бытовой диалектной и народно-поэтической форм речи. И.А. Оссовецкий – разносторонний и опытный лексикограф. В его активе работа над составлением словаря языка Пушкина и руководство проектом «Деулинский словарь» – лексикографического описания говора с. Деулино Рязанской области, уникального опыта системного представления русской диалектной речи. Этот словарь – результат многолетнего наблюдения над рече-

выми особенностями жителей конкретной территории. Составители этого словаря учитывали функционирование всех без исключения слов носителей говора.

Так получилось, что И.А. Оссовецкий в своих публикациях лексикографических вопросов применительно к изучению народно-поэтического творчества специально не обсуждал. И только его письма в Курск содержат изложение основ фольклорной лексикографии в понимании этого замечательного ученого.

По причине уникальности материала предъявляем читателям абсолютно все полученные нами письма или фрагменты писем, которые так или иначе затрагивают вопросы фольклорной лексикографии.

Для курян призывом к планомерной работе в лингвофольклористике стал фрагмент письма:

Идея словаря русских народных песен мне очень по душе, давно пора за такой словарь приняться (и за словарь былин и сказок), но это дело очень сложное, надо как-то сочетать и органически слить фольклористику, лексикологию и лексикографию. С интересом буду ждать присылки проекта, чем смогу, тем помогу (12.05.1980).

Как эти мечтательные строки И.А. Оссовецкого перекликаются с мыслями Ф.И. Буслаева: «Полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оним» [12. С. 286].

Через несколько лет И.А. Оссовецкий повторил свои мечтательные слова теперь уже по поводу былин:

Действительно, хорошо бы составить словарь былин, ведь былины – это наше драгоценное наследие, с которым наша интеллигенция знакома преимущественно из вторых рук (картина Васнецова и т.п.) (16.11.1986).

И тут же практический вопрос:

Какой сборник былин думаете использовать как материал для словаря? Думаю, что лучшие всего подходит сборник Гильфердинга.

Есть ли у Вас «Беломорские былины» А. Маркова? Если нет, хотел бы Вам подарить (в качестве посильного вклада в будущую Вашу работу) (16.11.1986).

Месяц спустя пришло самое главное письмо, которое мы до сих пор воспринимаем как руководство к практической работе.

Дорогой Александр Тимофеевич, поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам самого важного – здоровья и творческих успехов. Вполне понимаю Ваши раздумья по поводу словаря фольклора, это ведь очень сложная проблема. Вероятно, Вы уже многие вопросы так или иначе решили для себя, но тем не менее хочу высказать некоторые свои соображения. По-моему, словарь должен быть только одножанровым, да и в пределах жанра, может быть, тоже ограничить материалом, например, – только героические и фантастические былины, а новеллистические исключить (последнее, впрочем, может быть, и не стоит).

Мне кажется, что начать лучше всего со словаря былин, а не песен, ведь в песнях материал необъятен.

Словарь былин – это словарь художественного языка, поэтому надо познакомиться с техникой составления аналогичного словаря на материале литературного языка. В первую очередь это Словарь языка Пушкина. Я когда-то участвовал в его составлении и кое-что помню.

1. Служебные слова не включались в словник (за редким исключением, если такое слово несло определённую эстетическую нагрузку).

2. Слова, не изменившие своего значения (типа рука, нога, ходить, пить, есть и т.п.), не толковались, а только иллюстрировались цитатами.

3. В сочетаниях (за ромбом) приводились только факты поэтической фразеологии (напр. рука Феба, дорога жизни и под.). Как быть с былинами, где почти сплошь поэтическая фразеология, пока не знаю.

4. Указывалось общее количество употреблений в каждом значении (кажется, так).

5. Словарь П. – исчерпывающий, там помещены все слова (кроме служебных).

Материал – собрание сочинений П. в 16 томах (тогда оно было полное).

Если вы решите делать словарь былин, то надо прежде всего определить круг источников. Лучшие всего (даже обязательно) использовать классические сборники. Я бы выбрал «Онежские былины» Гильфердинга, этого, пожалуй, будет достаточно. У Рыбникова почти те же сказители, но варианты записаны хуже.

Надо также (надо ли? По-моему – да) учесть местность, где произведены записи и «школы сказителей» (об этом есть книга В.И. Чичерова, это его кандидатская диссертация). Хороши, конечно,

сборники Киреевского, Маркова, Григорьева и др., но нельзя объять необъятное.

Очень хотелось бы поговорить обо всем этом с Вами лично, но, как сами понимаете, приехать в Курск я не могу, а вот Вы Москву...

Очень может быть, что обо всем, о чем я пишу, Вы уже подумали и приняли решение, но не мог удержаться, чтобы как-то не высказаться по этому очень интересному и близкому мне вопросу. А может быть, это обычное желание старика поучать молодых?

Есть ли у Вас «Онежские былины» Гильфердинга, издание 2^е (80^е годы прошлого столетия)? Эти былины не то в 50^х, не то в 60^х годах нашего столетия переиздавал Баранов, но он позволил себе править текст, поэтому я и не стал его покупать. А издание 80^х годов у меня есть, и я хочу отдать его Вам. «Отдать», а не «подарить», потому, что хочу кое-что получить взамен (но это вовсе не обязательно, если у Вас Гильфердинга нет, то обязательно отдам Вам при всех условиях). Дело в том, что сборник Гильфердинга у меня последний сборник былин, а остаться совсем без былин как-то не хочется. Так вот, нет ли у Вас двухтомника «Былины», составленного Путиловым и Проппом. Там со всех сборников собраны лучшие записи былин, с этой точки зрения эти «Былины» великолепны. Но... ни Путилов, ни Пропп не лингвисты, они тоже позволили себе правку текстов, так что для работы (словаря) этот сборник не годится. Если он у Вас есть, то мы могли бы поменяться. Но даже если его и нет у Вас, всё равно я вам Гильфердинга подарю. Одно только: «Онежские былины» – это три тома и еще предметный указатель, так что это довольно тяжело нести, тем более, что почтовое отделение недалеко. Надо бы использовать какую-нибудь «оказию» <...>.

И у Гильфердинга, и у Маркова есть предметные указатели. М.б., они натолкнут Вас на мысли о структуре словаря.

P.P.S. «Онежские былины», которые я хочу вам подарить – это второе издание. Судя по всему (*например, по «Предметному указателю») оно вполне идентично первому, которое стало библиографической редкостью и которого у меня нет. Это второе издание – это соответствующие тома Сборника ОРЯС, будем думать, что академия не позволила себе что-либо менять при втором издании.

В самом начале переписки Иосиф Антонович изложил свое понимание специфики фольклорного слова с целью мобилизовать молодых исследователей на трудную, но очень интересную работу, предостеречь от поверхностности решений и скоропалительности выводов.

Слово – это сложнейшая система, а в художественном языке – сложная в квадрате. Комплекс фонем (красный, зеленый и т.п.) это всего лишь один из параметров этой системы, это еще не «слово» (есть много определений слова, в том числе и фонетическое, см. Кузнецов), если словом считать данный комплекс фонем и все его прямые и переносные значения, семантические ассоциации, его стилистическую маркированность, всю его парадигматику и синтагматику, которые определяются всей лексической системой в целом. И это в нехудожественном тексте, а что же говорить о тексте художественном, да еще стихотворном, да еще фольклорном. По говорам, в нефольклорном языке цветообозначение очень разнообразно и часто не такое, как в литературном языке. А уж в языке художественном, где у каждого слова есть «эстетическое приращение смысла», и подавно. А при устойчивом сочетании двух слов возникает «третий» смысл. Поэтому, например, красный в красная девица скорее надо сопоставить не с красный в каком-нибудь красный цветок, а с добрый в сочетании добрый молодец, т.к. красная девица и добрый молодец на уровне художественного языка близки друг другу и, например, соотносятся с одним и тем же поэтическим денотатом. Это условно-идеальные главные персонажи лирической песни. Кстати о «микрополе красного цвета»: по-моему, не все перечисленные Вами прилагательные относятся именно к этому микрополю. Взять хотя румяный: это, скорее, не цвет, а обозначение чего-то красивого, молодого, здорового, полного сил, и в этом (примерном) значении румяный можно включить в микрополе именно с таким значением с такими, примерно, компонентами, как красивый (но только от красная девица), кучерявый, добрый (от добрый молодец), сырой (от сырой дуб 'могучий, полный силы, соков и т.д.') и др. На лексикографическом уровне эти слова объединить нельзя, а на уровне языка песен – можно.

Необходимо учитывать также и еще один вид значения – фразеологический. Что такое калина малина лазоревый цвет? И не 'калина', и не 'малина', а лазоревый не известно, какой цвет и вообще цвет ли? Без разрушения поэтического значения это выражение нельзя расчленять, это поэтический фразеологизм, определенная семантикостилистическая единица со своим собственным поэтическим значением, не сводимым к сумме значений компонентов <нрзб.> тех значений, которые эти слова имеют вне этого поэтического фразеологизма. Если в одной песне есть калина малина лазоревый цвет, а в другой что-нибудь вроде я калину ломала, на дорожку бросала, то можно ли делать вывод, что в этом случае наблюдается два слово-

употребления слова калина? Думаю, что нет: один и тот же комплекс фонем, действительно, употреблен два раза, но слова – разные, это своего рода омофоны. Калина малина лазоревый цвет с бОльшим основанием можно сопоставить с каким-нибудь ой-лю-шеньки-люли или винограде зеленое мое или еще с чем-либо в этом же роде, потому что в замкнутой системе языка лирических песен художественная функция у них, примерно, одна и та же (в данном случае для простоты не будем учитывать композиционную структуру песен, потому что эти поэтические фразеологизмы функционально неодинаковы в запеве, или в основном корпусе песни, или в припеве; не будем, для той же простоты учитывать и жанр песни). Всю эту специфику слова на уровне художественной речи необходимо со всей тщательностью учитывать, это, в сущности, один из основных объектов наших исследований (3.2.1977).

Цели своей Иосиф Антонович, кажется, достиг. Его заветы вспоминались не только в процессе словарной работы, но и в ходе работы над итоговой монографией «Семантика фольклорного слова» [13]. Более того, учитывая специфику народно-поэтического текста, как никто другой, Иосиф Антонович ощущал многотрудность занятий фольклорной лексикографией.

Что касается словаря русского фольклора, то это огромная и трудоемкая работа, с которой Вам одному не справиться (10.9.1984).

Уместно заметить, что наши контакты с Иосифом Антоновичем письмами не ограничивались. Были поездки в Москву и долгие беседы с интересным человеком и специалистом высочайшего уровня. И не всегда наши мнения совпадали. Согласившись с советами нашего замечательного наставника в выборе жанра (былина) и в выборе базы словаря (онежские былины из собрания А.Ф. Гильфердинга), мы разработали свою концепцию словарного представления лексики фольклора, положив в основу принцип концептографии, когда внимание сосредоточивается не на лексеме, а на концепте, который вербализован той или иной лексемой (или словоформой).

Вслед за воронежскими учеными З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [14] под концептами мы понимаем глобальные мыслительные единицы, представляющие собой квант знания. Концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода, а в

языке – лексемами. Концепты не сводятся к понятиям, шире их, содержат периферию, которая и состоит из «щупальцев», обеспечивающих жизнь слова, его аккумулирующей способности и креативных возможностей.

Идея положить в основу фольклорной лексикографии концептографию поддерживалась не только нашим детальным знакомством с фольклорным языковым материалом. Эта идея подсказывалась опытом тех, кто исследовал различные массивы языкового материала различной принадлежности и свойства. Выше мы уже упоминали словарный подход Э. Бенвениста к базовым понятиям культуры.

Написанная в начале XX века статья А. Белого «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» [15] – это убедительная демонстрация эффективности изучения концептуальной картины мира. Автор показал наличие индивидуальной картины мира у Пушкина, Баратынского и Тютчева. У поэтов, живших в одно и то же время в одной и той же стране, – это три разные картины неба: пушкинский «небосвод» (синий, дальний), тютчевская «благодосклонная твердь», у Баратынского небо «родное», «живое», «облачное». Пушкин скажет: «Небосвод дальний блещет»; Тютчев: «Пламенно твердь глядит»; Баратынский – «Облачно небо родное».

В работе «У водоразделов мысли» П.А. Флоренский, размышляя о языке, воспользовался яркой метафорой: «Слово и неподвижно, устойчиво и, наоборот, неопределенно, безгранично, зыблемо, хотя, и зыблясь, оно не оттягивает места своего ядра. Невидимые нити могут протягиваться между словами там, где при грубом учете их значений не может быть никакой связи; от слова тянутся нежные, но цепкие щупальцы, охватывающиеся с таковыми же других слов, и тогда реальности, недоступные школьной речи, оказываются захваченными этою крепкою сетью из почти незримых нитей» [16. С. 251] – в этой формуле вся креативность языка, его потрясающие возможности. «Между тем, о чем мы говорим, и тем, что мы говорим, содержится весь простор мысли» [Там же. С. 224].

Наш проект словаря былинной лексики как раз и был ориентирован на фиксацию в словарной статье этих самых «щупальцев» – всех точек соприкосновения описываемого концепта с другими концептами, тоже явленными лексемами.

Обнаружилось, что концептографическая лексикография – надежное средство для сопоставительных (контрастивных) исследований

разнородного материала в пределах одной этнической культуры и в случае фольклора разных этносов.

К достоинствам концептографии можно отнести предельную объективность (исключительно свидетельство элементов текста и отсутствие необходимости интерпретации составителя) и повышенную информативность словарной статьи.

Выпуски «Словаря языка русского фольклора» стали эмпирической и инструментальной базой для совершенно новых, предложенных курянами направлений изучения языка фольклора – кросскультурной лингвофольклористики и фольклорной диалектологии.

В результате настойчивых поисков появился сборник научных трудов «Фольклорная лексикография» [17], в котором были опубликованы пробные словарные статьи. В 2000 г. в свет вышел первый выпуск «Словаря языка русского фольклора», а в 2006 г. словарь вошел в научный обиход [18].

В изучении русского народно-поэтического слова и в фольклорной лексикографии И.А. Оссовецкий видел не только узко профессиональный интерес, но и культуuroобразующие перспективы.

Очень меня радует, что в лингвофольклористике появилась такая надежная и мощная смена и что исследование языка фольклора находится в надежных руках. В конце концов поймут же, наконец, люди, что народная песня – это особое специфическое художественное образование со своими, только ему присущими музыкой и текстом. Поймут и перестанут называть народными песнями всякую музыкально-текстовую дребедень, ничего общего не имеющую с подлинно народным творчеством, перестанут подменять поэтические жемчужины песенного фольклора собственным плетением словес на продажу. Эта тема меня очень волнует, хочу даже написать статью на эту тему для какого-нибудь журнала, хотя и не знаю, соберусь ли. А кроме того, если и напишу, то вряд ли напечатают, потому что уж очень хочется назвать вещи своими именами (16.06.1984).

В суждениях Иосифа Антоновича намечалось то, что в конце XX столетия назовут экологией языка и культуры.

В итоге опыт творческого наставничества известного диалектолога, лексикографа и лингвофольклориста оказался продуктивным как для самого наставника, который сформулировал свою концепцию фольклорной лексикографии, так и для курских исследователей, реализовавших несколько лексикографических проектов. Эти проекты

стали основой для новых направлений в изучении фольклорного слова – кросскультурной лингвофольклористики и фольклорной диалектологии.

Литература

1. Хроленко А.Т. История курской школы лингвофольклористики в письмах и документах. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2018. 198 с.
2. Герд А. С. К определению понятия «словарь» // Проблемы лексикографии : сб. ст. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. С. 191–203.
3. Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2004. 240 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр. М. : Прогресс, 1974. 447 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2012. Т. 1–5.
7. Шведова Н.Ю. Однотомный толковый словарь // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX–X. М. : Наука, 1981. С. 166–188.
8. Оссовецкий И.А. Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 7. С. 466–504.
9. Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66–77.
10. Оссовецкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М. : Наука, 1979. С. 199–252.
11. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М. : Наука, 1982. 198 с.
12. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1992. 512 с.
13. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. 137 с.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 30 с.
15. Бельй А. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика. М. : Радуга, 1983. С. 551–556.
16. Флоренский П.А. Сочинения : в 2 т. Т. 2: У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990. 447 с.
17. Фольклорная лексикография : сб. научн. ст. / отв. ред. А.Т. Хроленко, М.А. Бобунова. Курск : Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1994–2002. Вып. 1–19.
18. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былин : в 2 ч. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2006. Ч. 1–2.

“It Would Be Great to Compile a Dictionary of Bylina” (I.A. Ossovetsky About Folklore Lexicography)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 15, pp. 174–187.

DOI: 10.17223/22274200/15/11

Alexander T. Khrolenko, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: alexanderhrolenko@yandex.ru

Keywords: dictionary, folklore lexicography, linguistic folklore studies, I.A. Ossovetsky, conceptography.

The article deals with the problems of folklore lexicography. The aim of the work is to bring into science the ideas connected with compiling a dictionary of the Russian folklore that belong to the well-known dialectologist and lexicographer Iosif A. Ossovetsky (1908–1995) and to show the role of the scholar in formulating the problems of folklore lexicography, in organizing practical work on the dictionary that contains the vocabulary of the bylina, in developing the Kursk School of Linguistic Folklore Studies that formed the original concept of a conceptographic approach to the dictionary presentation of folklore texts.

The research is based on Ossovetsky’s letters addressed to his young colleagues from Kursk State Pedagogical Institute, in which the research school was developing. The correspondence covers the period from 1974 till 1988. The foundation for the research was Ossovetsky’s works concerning the language of the Russian traditional folklore, the ideas of the classical scholars of the world and Russian science (F.I. Buslaev, A. Bely, P.A. Florensky, E. Benveniste), the publications of Kursk linguofolklorists on the theory of a Russian folklore dictionary, and various implemented lexicographic projects of Kursk lexicographers.

In the course of the research, Ossovetsky’s lexicographic conception of the dictionary description of a folklore lexicon unit was modeled; the peculiarities of folk poetic words Ossovetsky specifically mentioned were analyzed. The results received were assessed from the standpoint of the existing practice of compiling dictionaries. The author has found that the established structure of entries in explanatory dictionaries, in dictionaries of poetic words and of dialect speech will prevent an adequate presentation of a folklore word’s function and semantics. Experimental entries have been made that prove the potential of a conceptographic approach to a lexicographic description of folklore texts. The author used methods that Kursk philologists worked out specifically for folklore lexicography.

The author makes a conclusion that the experience of Ossovetsky’s creative work proved to be productive both for him (he worded his conception of folklore lexicography) and for the young researchers who implemented several projects. This contributed to the formation of a scientific discipline that was called “linguistic folklore studies” and of a research school that offered several new directions in studies of the folklore word: cross-cultural linguistic folklore studies and folklore dialectology. Ossovetsky saw folklore lexicography not only as an object of professional interest but also as a perspective in the culture development. He outlined the future of a new science that at the end of the 20th century was called the ecology of language and culture.

References

1. Khrolenko, A.T. (2018) *Istoriya kurskoy shkoly lingvofol'kloristiki v pis'makh i dokumentakh* [The history of the Kursk school of linguistic folklore studies in letters and documents]. Kursk: Kursk State University.
2. Gerd, A.S. (1997) K opredeleniyu ponyatiya "slovar'" [On the definition of the concept of "dictionary"]. In: Gerd, A.S. & Sergeev, V.N. (eds) *Problemy leksikografii* [Problems of lexicography]. St. Petersburg: St. Petersburg.
3. Bobunova, M.A. (2004) *Fol'klornaya leksikografiya: stanovlenie, teoreticheskie i prakticheskie rezul'taty, perspektivy* [Folklore lexicography: formation, theoretical and practical results, prospects]. Kursk: Kursk State University.
4. Benveniste, E. (1974) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Translated from French by Yu.N. Karaulova et al. Moscow: Progress.
5. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury: Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture: Experience of research]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
7. Shvedova, N.Yu. (1981) Odnatomnyy tolkovyy slovar' [One-volume explanatory dictionary]. In: Shvedova, N.Yu. (ed.) *Russkiy yazyk. Problemy khudozhestvennoy rechi. Leksikologiya i leksikografiya. Vinogradovskie chteniya IX–X* [The Russian language. Problems of literary speech. Lexicology and lexicography. Vinogradov Readings IX–X]. Moscow: Nauka.
8. Ossovetskiy, I.A. (1957) Stilisticheskie funktsii nekotorykh suffiksov imen sushchestvitel'nykh v russkoy narodnoy liricheskoy pesne [Stylistic functions of some suffixes of the nouns in the Russian folk lyric song]. In: Vinogradov, V.V. et al. (eds) *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.
9. Ossovetskiy, I.A. (1975) O yazyke russkogo traditsionnogo fol'klora [On the language of Russian traditional folklore]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 66–77.
10. Ossovetskiy, I.A. (1979) Nekotorye nablyudeniya nad yazykom stikhotvornogo fol'klora [Some observations on the language of poetic folklore]. In: Kozhin, A.N. (ed.) *Ocherki po stilistike khudozhestvennoy rechi* [Essays on the stylistics of literary speech]. Moscow: Nauka.
11. Ossovetskiy, I.A. (1982) *Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov* [Vocabulary of modern Russian folk dialects]. Moscow: Nauka.
12. Buslaev, F.I. (1992) *Prepodavanie otechestvennogo yazyka* [Teaching a national language]. Moscow: Prosveshchenie.
13. Khrolenko, A.T. (1992) *Semantika fol'klornogo slova* [Semantics of the folklore word]. Voronezh: Voronezh State University.
14. Popova, Z.D. & Stermin, I.A. (1999) *Ponyatie "kontsept" v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The notion of "concept" in linguistic research]. Voronezh: Voronezh State University.

15. Belyy, A. (1983) Pushkin, Tyutchev i Baratynskiy v zritel'nom vospriyatii prirody [Pushkin, Tyutchev and Baratynsky in the visual perception of nature]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga.

16. Florenskiy, P.A. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda.

17. Khrolenko, A.T. & Bobunova, M.A. (eds) (1994–2002) *Fol'klornaya leksikografiya* [Folklore lexicography]. Issues 1–19. Kursk: Kursk State Pedagogical University.

18. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2006) *Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny* [Dictionary of the language of Russian folklore: The vocabulary of the epic]. In 2 parts. Kursk: Kursk State University.